

Под сенью этого удивительного дерева могли бы укрыться сотни человек.

ВЛАДИМИР ЛИ

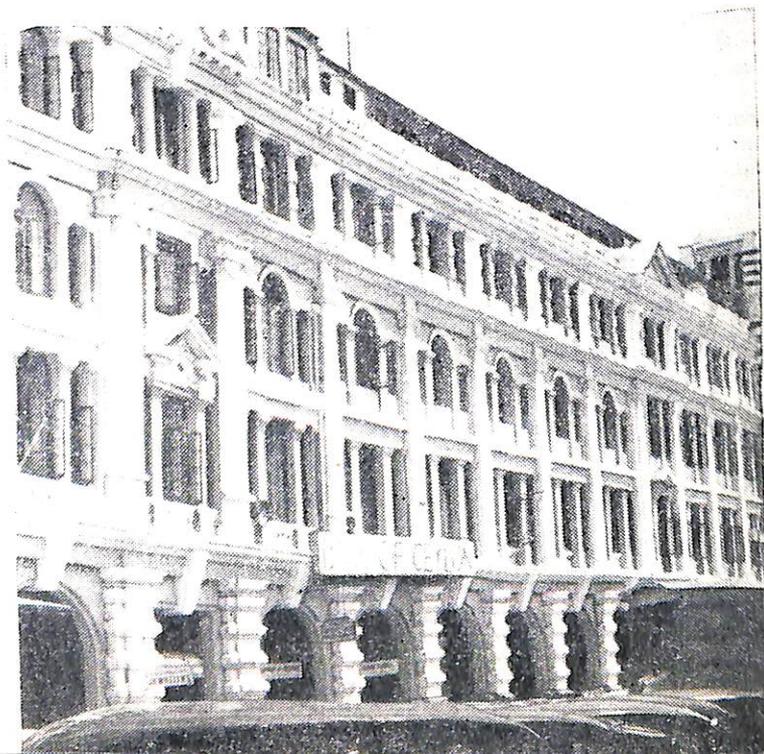
В ОТ уже много лет географы и путешественники разных стран и континентов ведут между собой негласное состязание за наиболее восторженное описание дивной природы Цейлона. Каждому из них в свое время казалось, что древнесингалские названия Цейлона — «Ланка» (Блистательный) или «Ратна двипа» (Земля самоцветов) — недостаточно полно передают волшебное видение тропиков. «Лучший остров такого размера в мире!» — восторгался Марко Поло. «Цейлон отделен от рая расстоянием в 40 итальянских миль. Звуки падающей воды от райских фонтанов слышны здесь», — писал в одном из своих писем на родину римский посол Маригноли. «Вечнозеленый чудо-остров!», «Обетованная земля моих научных вожделений!» — восклицал известный немецкий натуралист Эрнст Геккель.

В поэтических народных сказаниях Цейлона повествуется о том, что когда бог создавал грешную землю, то сделал одни материки холодными, а другие — изнывающими от жары, одни страны наделил буйной растительностью, а другие превратил в безжизненные пустыни. Однако, чтобы доказать свое умение создавать совершенство, он сотворил Цейлон — истинный рай на земле.

Природа и в самом деле щедро одарила своими богатствами этот небольшой остров, протянувшийся с севера на юг — от мыса Педро до мыса Дондро — на 432 километра. Близость океана, то спокойного, то неистового, ревущие водопады горных рек, зеркальная гладь озер и водоемов, огромные рощи кокосовых пальм, девственные джунгли, влажно-тропические леса — все это создает неповторимую картину вечного цветения и неувядающей весны.

Поразительна тропическая флора Цейлона. В знаменитом на всю Азию ботаническом саду Перадения растет гигантское дерево-роща, под тенистой кроной которого могло бы укрыться несколько сот человек. Есть здесь и небольшая аллея сейшельских пальм, интересных тем, что зрелости они достигают лишь через пятьсот лет. Пальма дает по одному листочку в год, и только на прорастание ее семени-ореха нужно не меньше года. Аллея высажена в начале нынешнего века, и «совершеннолетие» пальм ожидается лишь в 2400 году.

Совсем другой — короткой, но бурной жизнью, исчисляемой примерно 50 годами, живет талипото-

вая пальма. Она цветет и дает плоды только один раз, на исходе своей жизни. Над гигантской веерообразной кроной талипота поднимается тогда огромный, иногда до 10 метров высотой, бутон. Созревая, бутон с грохотом лопается, распуская крупные золотые лепестки. Быстро созревает плод, но вместе с этим начинается предсмертная агония самой пальмы. Увядают дивной красоты листья талипота, отдавшего всю свою силу и мощь росткам новой жизни...

«СЛЕЗЫ» ГЕВЕЙ

Млечно-розоватый сок каучуконосов-гевей иногда называют «слезами дерева». На цейлонской земле слезы гевей смешались с морем человеческих слез. Печальные и грустные, израненные косыми надрезами подсолочки стоят гевей под негустыми кронами. Ту же печать грусти и скорби читаешь на лицах рабочих, без усталости, за мизерную плату собирающих в чашечки из скорлупы кокосовых орехов «слезы дерева»... На Цейлоне, конечно, не увидишь той ужасающей массовой нищеты, которая порой встречается на Индостане. И все же жизнь простых людей и на Цейлоне весьма далека не только от «райской», но и нормальной земной. Их бедность, доставшаяся им в наследие от эпохи колониализма, не в состоянии скрыть даже буйная экзотическая растительность. Годовой доход на душу населения на Цейлоне примерно в 11 раз меньше, чем в Англии. Каждый житель острова употребляет молока в 12 раз меньше, чем англичанин, а сахара и жиров соответственно в 10 и 5 раз меньше. Эти цифры — суровый обвинительный акт английскому колониализму, который за долгие годы владычества на Цейлоне был озоболен лишь одним — утолить свою ненасытную жажду наживы.

Погоня за фунтами стерлингов привела английских плантаторов в прошлом веке на холмы и горные склоны Цейлона. Тысячи крестьянских семей были насильственно согнаны со своей земли. Затем началось наступление на джунгли. Для корчевки вековых деревьев и создания плантаций нужны были дешевые рабочие руки. Однако местные жители отказывались идти в наем к колониальным дельцам.

В поисках рабочей силы банкиры Сити обратились к соседней Индии, где в то время происходил бурный процесс обезземеливания крестьянства. Сотни

тысяч тамильских земледельцев, завербованных агентами плантаторов, грузили на суда свои пожитки, пересекали Манарский залив и, словно по этапу, двигались внутрь страны, где их ожидал изнурительный, нечеловеческий труд. Почти голыми руками отвоевывали они у джунглей метр за метром плодородную землю острова. Ничтожной заработной платы не хватало и на полуголодное существование. Никто не думал о лечении больных — для английских дельцов это было слишком накладно. На место одного погибшего они могли в любую минуту доставить к плантациям двух вновь завербованных. Так в течение нескольких десятилетий колониальный Цейлон стал одним из ведущих каучуковых районов, поставляя ежегодно на мировой рынок до 100 тысяч тонн ценнейшего сырья. Под каучуконосами занята пятая часть всей обрабатываемой земли страны, а сбором и переработкой латекса занимается более 200 тысяч плантационных рабочих.

От продажи цейлонского каучука английские дельцы вплоть до последнего времени получали сказочные прибыли. Однако свежий ветер национальной свободы все сильнее дует и в этой, казалось бы, несокрушимой в прошлом твердыне британского колониального владычества.

Проезжая районы каучуковых плантаций, мы обратили внимание на то, что на больших вывесках сфисов акционерных компаний и мастерских по первичной обработке резины выведены чаще всего сингальские и тамильские фамилии. Совсем иную картину мы видели на чайных плантациях, где из каждых трех владений одна непременно английская! Лишь позднее, по возвращении в Коломбо, мы узнали, что каучуковая промышленность — это та отрасль цейлонской экономики, где иностранному капиталу уже нанесены довольно чувствительные удары. К настоящему времени на долю цейлонских национальных компаний и частных лиц приходится 84,4 процента общей площади каучуковых плантаций, тогда как английские и другие иностранные компании контролируют лишь 15,6 процента плантаций общей площадью около 100 тысяч акров.

Правда, англичане продолжают владеть наиболее продуктивными плантациями каучуконосов, но и национальное правительство Цейлона уже начало проводить в жизнь обширную программу обновления гевей. В окрестностях Калутары и Ратнапуры мы не раз видели юные рожицы каучуконосов, возраст которых не превышал четырех-пяти лет. Через два-три года эти гевей дадут первые капли млечного сока, которые, проделав длинный путь от плантаций к фабрике, превратятся в автомобильные камеры и покрышки, в сотни изделий современной химии.

А путь этот сегодня поистине долог. Он равен по меньшей мере расстоянию между Коломбо и Лондоном. Будучи третьим после Малайи и Индонезии поставщиком каучука на мировой рынок,

Национализированный банк Цейлона. Здесь сходятся бесчисленные нити экономической жизни страны (снимок слева).

Зебц, запряженные в двухколесные повозки, встречаются на всех дорогах Цейлона.

Шесть-восемь детей — обычное явление в сингальской семье.

Цейлон не имеет своей резиновой промышленности. Продавая за бесценок свой каучук английским фирмам, он вынужден у них же закупать втридорога автопокрышки и другие виды готовой продукции.

С первых же дней независимости Цейлон начал искать пути создания в стране современных предприятий резиновой промышленности. Однако все его шаги в этом направлении наталкивались на упорное противодействие Запада. Тогда на помощь своему южному другу пришел Советский Союз. В октябре 1961 года между двумя странами был подписан контракт о строительстве на Цейлоне государственного завода автошин. Сейчас завод существует еще в чертежах. Но когда эти чертежи оживут, когда на берегу полноводной Келани-ганга, в десяти километрах от Коломбо, вырастет этот сверхсовременный комбинат, страна уже не будет зависеть от «милости» западных королей резины. Цейлон сам будет производить до 360 тысяч автопокрышек и камер, что даст ежегодную прибыль до 4,8 миллиона рупий.

— Русские — лучшие и самые надежные наши друзья, — говорили в беседе с автором этих строк многие цейлонцы — знакомые и незнакомые, когда они узнавали, что мы приехали к ним на экватор из далекой Москвы.

У ПОДНОЖИЯ АДАМОВА ПИКА

Рано утром в номер коломбского отеля «Голль-Фейс», в котором остановились художник нашего журнала Г. К. Писманник и я, вошел худощавый молодой сингал в своем традиционном соронге, круто опоясанном вокруг бедер. Это был служащий отеля. Подойдя ко мне, он полушепотом спросил:

— Не сделать ли нам маленький сюрприз вашему господину? Что он обычно пьет перед завтраком — виски, арак или ориндж?

— Почему господину? — недоумевающе ответил я. Но почти сразу понял, что мои черные, как смоль, волосы и смуглая кожа вводят сингальца в заблуждение, и он принимает Георгия Константиновича за богатого туриста, а меня — за его слугу.

Я от души рассмеялся, а потом поспешил объяснить нашему новому знакомому, что мы оба журналисты, что он — мой товарищ по работе и друг, что в этой дружбе нет ничего удивительного, ибо Советский Союз — государство многих братских наций — и белых, и желтых, и цветных... Я рассказал ему о том, какой дружной семьей живут разные народы Страны Советов...

Молодой сингал кивал в знак согласия головой, но в его глазах нетрудно было прочесть и несказанное удивление и невыясненный вопрос:

— Как же это так? Белокожий и чернокожий на равной ноге!

— Этот маленький эпизод говорит о многом. Долгие годы колониализма не могли не оставить следа в сознании простых людей. Поэтому им нередко трудно представить, что есть на земле такие страны, где цвет кожи, религиозная или национальная принадлежность не играют ровно никакой роли в общественной жизни людей.

В Канди — последней столице древнего сингальского королевства — члены Лиги ланка-советской дружбы попросили нас рассказать о национальной политике советского государства. Мы рассказали о «земном чуде» Советского Востока — его богатырском скачке от отсталости к прогрессу, о дружбе советских народов. С какой жадностью зрительный зал ловил каждое слово выступавшего! И это вполне понятно. Национальный вопрос на Цейлоне все еще ждет своего окончательного решения.

На улицах цейлонских городов и селений, на дорогах страны бесчисленные вывески и объявления почти всегда написаны на трех языках: английском, сингальском и тамильском. Эта языковая мозаика отражает сложность национальных взаимоотношений в стране.

Цейлонская официальная статистика делит население острова на ряд крупных этнических групп, среди которых преобладающими являются сингалы — около 70 процентов населения страны — и тамилы — около 20 процентов населения. Сингалы — наиболее развитая нация Цейлона. Сингальская буржуазия занимает ныне ведущие позиции в его экономической жизни.

Что же касается тамильского населения, то оно делится в свою очередь на две большие группы — цейлонских тамилы, поселившихся на острове еще в древние времена, и так называемых индийских тамилы, появившихся на Цейлоне за XIX—XX столетия, в период бурного роста капиталистического плантационного хозяйства. Из среды цейлонских тамилы формируется буржуазия, многие представители которой занимают видное положение в рядах цейлонской интеллигенции в качестве врачей, литераторов, крупных чиновников, журналистов. Индийские же тамилы, численностью до одного миллиона человек — наиболее эксплуатируемая и обездоленная часть трудового населения Цейлона. Это в основном рабочие плантаций, железных и шоссейных дорог, докеры, грузчики, чернорабочие. Сотни тысяч семей индийских тамилы не считаются гражданами Цейлона, хотя живут на острове в течение десятилетий.

Во время многодневного путешествия по острову нам не раз приходилось встречать этих «беспаспортных» жителей Цейлона. Ютятся они обычно в хи-

жинах, покрытых листьями кокосовых пальм и лишь иногда черепицей. Внутреннее убранство хижины убого — несколько циновок, невзыскательная кухонная утварь и глиняные кувшины для воды. После напряженного рабочего дня на плантациях батраки продолжают трудиться на своем участке, где обычно выращивается немного риса, овощи, а иногда и несколько драгоценных деревьев кокосовой пальмы. Лишь поздно вечером, изнуренные работой и тропическим зноем, они усаживаются на сухие бревна у своих хижин и при свете коптелок, чадающих перегаром кокосового масла, ведут негромкую беседу о своих житейских делах.

Кроме сингалов и тамиллов, на Цейлоне живут англичане, малайцы, мавры, пакистанцы и так называемые бюргеры — потомки голландско-сингалских метисов, численностью около 44 тысяч человек, обитающие на Цейлоне со времени нидерландского владычества. У бюргеров более светлая, чем у сингалов и тамиллов, кожа, а их женщины отличаются изумительной красотой — о ней не раз упоминали путешественники. В быту эта часть населения острова продолжает пользоваться голландским языком, однако подавляющее большинство свободно владеет и сингалским языком.

Значительная часть бюргеров относится к зажиточным слоям цейлонского общества и занята, как правило, в сфере предпринимательской деятельности, на государственной службе, в учреждениях культуры и просвещения. В период английского владычества сознание бюргеров систематически отравлялось злой пропагандой об их мнимом «расовом превосходстве» над аборигенами.

Многонациональный состав населения Цейлона давал возможность английским колонизаторам проводить на острове свою традиционную политику «разделяй и властвуй» — политику натравливания сингалов на тамиллов, буддистов на индуистов и т. д. Эту же политику пытаются использовать ныне ультрареакционеры, которые совершили злодейское убийство премьер-министра Соломона Бандаранаике и пытались ниспровергнуть правительство Сиримаво Бандаранаике в январе этого года.

Именно национальный вопрос, всемерно раздуваемый внутренней и внешней реакцией, был в последние годы причиной серьезного обострения внутриполитического положения в стране, переросшего кое-где в кровавую сингало-тамилскую распрю. Между тем большинство населения острова, независимо от национальной принадлежности, настроено весьма дружелюбно. И это подтверждается фактами повседневной жизни Цейлона. Приведу один из них.

В ясные тихие дни с западного побережья Цейлона отчетливо виден находящийся в глубине острова знаменитый Адамов пик — священное место паломничества цейлонцев самых различных верований. На одном из крутых склонов этой горы природа создала причудливую выемку, напоминающую огромный след человеческой ноги. Согласно мусульманским легендам, этот след остался на скале после того, как праотец человечества отстоял на ней на одной ноге весьма долгий срок перед возвращением из рая на грешную землю. По мнению буддистов, это след Будды, который оттолкнулся именно от Адамова пика, чтобы вознестись на небо. Индуисты считают, что на священной горе пребывал когда-то

Знаменитый отель в Коломбо «Голль-Фейс» приютился у самой кромки океана.

© от автора

их бог Шива. А местные католики поспешили объявить след отпечатком ступни святого апостола Фомы...

Не будем спорить, кто прав! Важнее другое. Люди самых различных вероисповеданий мирно стекаются к вершине Адамова пика поклоняться одному и тому же священному месту. Долгий путь от южного побережья в горы паломники нередко совершают разноязыкой и пестрой толпой, в которой рядом с мусульманским тюрбаном можно видеть бритоголового буддийского монаха в традиционном оранжевом одеянии. Религиозное деление на Цейлоне почти полностью совпадает с национальным: подавляющее большинство сингалов — буддисты, тамилы — индуисты, бюргеры — католики и т. д. Веротерпимость цейлонцев лишний раз доказывает, что простые люди этой страны независимо от национальности, языка, религиозной принадлежности могут жить в мире и согласии. И этого упорно добиваются все демократические и патриотические организации, многие видные общественные и политические деятели страны.

* * *

Разнообразны религиозные верования, традиции и обычаи многих народностей Цейлона, но всех их объединяет одна замечательная черта — радушие, миролюбие, гостеприимство, внимание к людям, идущим к ним с открытым сердцем. В глухом горном селении мы узнали о старинном сингалском поверье: если во время обеда в дом является гость — быть добру и счастью! Эта вошедшая в плоть и кровь народа традиция раскрывает, пожалуй, самое прекрасное из того, что мы повстречали на возрождающейся земле древней Ланки.